

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЭДУАРД КАТЛАС
СОЗДАТЕЛИ

Книги Эдуарда Катласа
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

СОЗДАТЕЛИ

Цикл
«ЭКЗО»

**ЭКЗО
ПОРЯДОК ДОСТАВКИ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЭДУАРД КАТЛАС
СОЗДАТЕЛИ

РОМАН

Москва, 2011
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

Предпоследний этаж
раньше чувствует тьму,
чем окрестный пейзаж...

Иосиф Бродский

Часть первая

ДВЕРИ

«Как хорошо было дома! — думала бедная Алиса. — Там я всегда была одного роста и всякие мыши и кролики мне были не указ».

Льюис Кэрролл. Алиса в стране чудес

ГЛАВА 1

Лиза

Ей едва исполнилось двенадцать, когда она влюбилась в парня из параллельного класса. Влюбилась, как умеют, наверное, только девочки именно в этом возрасте, направив все помыслы, мечтания и планы о будущем в сторону одного-единственного человека, который и не помышлял, что стал объектом столь бурной страсти. Да и откуда ему было об этом знать, если Лиза никогда не подходила к нему ближе нескольких метров, а имя своего идола узнала от подружек?

Они никогда не разговаривали. Проходя мимо, не здоровались. Лиза не здоровалась по понятной причине — девочка не должна знакомиться первой, не должна заигрывать с мальчиком, не должна показывать, что вообще замечает кого-то противоположного пола.

Вот если бы он подошел к ней!.. Подошел, заговорил, совсем-совсем ни о чем. О чем угодно, хотя бы попросил ручку или, может быть, списать домашку. Вот тогда бы она сумела его очаровать.

Но предмет ее страсти, разумеется, каждый раз лишь проходил мимо, обсуждая с приятелями какие-то совсем неважные вещи — новую машину, которую купили родители, последнюю серию «Мертвых лесов» или наилучший набор навыков для вора в «Братстве».

Все это было так неважно.

Важна была страсть, которую Лиза должна выплес-

нуть на него. Важно, чтобы они сблизилась как можно раньше. И пусть впереди у них еще целая жизнь, которую они проведут, никогда не расставаясь друг с другом, но Лиза не собиралась отдавать каким-то «Мертвым лесам» ни мгновения из этой вечности.

Дальше так длиться просто не могло. Прошло больше месяца, и это выходило за всякие рамки, столько не в состоянии ждать даже самая терпеливая. Так ведь и учебный год может пройти! Полжизни. Тем более, в его классе есть девочки и покрасивее. Она не могла себе позволить такие же туфли, как у Кати, что сидела с ним за одной партой. И пусть Катя делает вид, что не обращает на своего соседа никакого внимания, но Лиза-то понимала, что на ее мужчину невозможно не смотреть. Рано или поздно Катя это осознает. И тогда у нее в руках окажутся все преимущества.

Конечно, Лиза не сомневалась, что придет время и ее любимый все равно все поймет. И они будут вместе. Но через какое горе, через какие страдания им придется пройти, чтобы добиться своего счастья?

Надо действовать. Сейчас. Промедление до летних каникул просто недопустимо!

И, кажется, теперь она знала, как может привлечь его внимание. Раз и навсегда доказать ему, насколько важны их отношения. Насколько сильно она любит. Показать, что никогда больше он не встретит никого, кто любил бы его так же, как она.

Лиза написала записку. Короткую. Но зато очень красивым почерком, и сама записка выглядела красиво. Лиза специально нашла нелинованную бумагу (мама всегда говорила, что даже в больших и серьезных делах мелочи крайне важны, что иногда нет ничего важнее детали, которая может решить исход любого дела) и аккуратно написала все, что нужно. Аккуратно сложила и сначала убрала в задний кармашек джинсов, но потом передумала и решила, что лучше будет держать ее в руке — так, чтобы уголок бумаги выглядывал и эту деталь нельзя было не заметить (мелочи важны!).

Бельевую веревку Лиза купила в магазине. Моток стоил недорого, а обед сегодня точно придется пропустить. А завтра ОН навестит Лизу сам, узнав о том, как сильна и беззаветна ее тайная страсть. Такое чувство не может остаться без ответа.

Их любовь будет взаимной и вечной.

Потом Лиза отпросилась с урока. В туалет. Лучше сказать учительнице правду, это легче. Мелочи важны. Нельзя начинать большое и светлое будущее со лжи.

Она все точно рассчитала, каждую деталь. Под толчком туалета проходила труба, достаточно толстая, чтобы выдержать ее вес. Долго держать и не надо, но ни у кого не должно возникнуть даже тени подозрения, что здесь что-то может быть понарошку. Со второго раза Лизе удалось перекинуть веревку, завязать простой скользящий узел на конце (детали важны, а справочник «Морские узлы» она нашла в школьной библиотеке).

Потом она сделала простую петлю на другом конце. Ей не нужна была петля, как в кино — с веревкой, обмотанной вокруг осевой, — такая бы выглядела, по Лизиным понятиям, слишком страшно.

Да и бельевая веревка требовала чего-нибудь попроще. Сначала Лиза хотела достать именно толстую, как в кино. Но, во-первых, такая веревка действительно ее страшила. А самое главное — как пронести ее в школу? Эта деталь (важная деталь!) заставила Лизу слегка упростить и процедуру, и узел. Все-таки ей не нужно сниматься в кино, прочь эти глупости. Ее задача важнее — добиться внимания с ЕГО стороны.

Лиза открыла дверь в кабинку нараспашку и придвинула к ней туалетный ежик. Совершенно не нужно, чтобы в самый ответственный момент дверь случайно хлопнулась от какого-нибудь сквозняка.

Лишь после этого, еще раз все проверив, она аккуратно опустила крышку унитаза, встала на нее, просунула голову в свою простую петлю из бельевой веревки и принялась ждать.

Те десять минут, которые длилось ожидание, показа-

лись ей вечностью. И если бы не воспитанное родителями упорство, если бы не понимание, что сейчас решается ее судьба, что только так она может обрести счастье на всю оставшуюся жизнь, то Лиза, наверное, сдалась бы и перенесла все на другой день.

Целеустремленность — очень важная черта характера для молодой девушки.

Ожидание закончилось. Послышались шаги, скрипнула дверь, и в туалет кто-то вошел. Идет мимо умывальников. Пора! Теперь Лиза обрела необходимого свидетеля, который точно ее заметит. Шаги достаточно тяжелы (детали важны!) — значит, это не какая-нибудь пичуга из младших классов. Либо старшеклассница, либо кто-то из преподавателей. Все, абсолютно все шло по плану!..

Лиза сжала в руке записку, убедившись, что кончик бумаги красиво выглядывает из кулачка. И лишь после этого бесстрашно, обеими ногами, прыгнула с унитаза, стараясь сделать это максимально аккуратно, чтобы не слишком сильно поранить шею.

Все оказалось значительно больнее, чем она предполагала. Веревка так сильно врезалась в шею, что Лиза захотела закричать, но не смогла. Сквозь туман, застилающий глаза, она взглянула на своего свидетеля...

* * *

Тетя Зина спешила. Ей надо успеть убрать в туалетах до звонка. Во время перемены там работать просто невозможно. Во время перемены лучше спрятаться где-нибудь в уголке и отдохнуть заслуженные десять — пятнадцать минут. В мужском туалете старшеклассники вечно курят, поэтому там уборку тетя Зина старалась начинать сразу после звонка на урок — иначе просто не успеть, слишком уж там грязно и намусорено. Но в женском, в женском можно успеть. Девочки, особенно те,

что помладше, чуть аккуратней. И двадцати минут, оставшихся до перемены, может хватить.

Когда тетя Зина увидела корчащуюся в петле школьницу, то прежде всего подумала, что туалет, наверное, придется убирать уже во время следующего урока.

После этого она побежала.

Абсолютно разумное и единственно верное решение, на ее взгляд. Если в школе беспорядок, об этом нужно немедленно доложить директору. Или завучу. Даже лучше завучу. Потому что директор все-таки — фигура серьезная. А завуч как раз для того и существует, чтобы разбирать неприятности, которые случаются в школе.

Мелочи важны.

Учительская, где она совсем недавно видела Ларису Валерьевну, находилась этажом ниже.

Надо отдать тете Зине должное, она действительно бежала так быстро, как могла. Не замедлилась даже на лестнице, рискуя сломать себе и ноги, и шею — возраст все же не тот...

* * *

Лицо свидетеля появилось и исчезло, а боль не ослабевала. Наоборот, она становилась все острее, а еще к ней начало примешиваться удушье. Лиза не могла больше сдерживаться и стала царапать правой рукой по веревке, пытаясь сдернуть ее с себя. В левой руке по-прежнему была зажата записка, и девочка лишь судорожно дергала ею, не зная, как не выпустить записку и в то же время использовать вторую руку.

Потом она оставила попытки дотянуться до узла, вместо этого попробовав засунуть пальцы под веревку, чтобы хоть немного ослабить давление.

Последняя судорога прошла по телу Лизы, когда тетя Зина еще даже не добежала до лестницы.

* * *

Завуч Лариса Валерьевна поняла все моментально. И бежала она, возможно, даже быстрее тети Зины.

Ей понадобилось секунд тридцать, чтобы добежать до злополучного туалета (вечно на третьем этаже проблемы!). И еще десять секунд на то, чтобы снять с шеи девочки петлю. И еще десять минут на то, чтобы окончательно убедиться, что девочка не дышит, несмотря на все попытки привести школьницу в чувство. «Скорая» приехала еще через пятнадцать минут. Но это мало что поменяло.

Лиза была мертва.

Ее дверь закрылась. Хотя на крохотное мгновение она успела заглянуть в щелку. Не увидеть, а лишь предположить, что находится там...

* * *

Девочка так и не выпустила из руки записку. Из сжатого кулачка ее с трудом вынула завуч. Прочитала позже, когда «скорая» уже увезла труп.

Простые детские слова о вечной любви, о невыносимости разлуки.

На неофициальном учительском совете, проходившем в расширенном составе (с участковым), было решено, что не стоит травмировать ни в чем не повинного и ни о чем не подозревающего мальчика.

Записка какое-то время полежала в папке участкового, а потом просто исчезла, оказалась погребенной под грудой других бумаг.

Лизу похоронили на четвертый день. Небольшой город, случай из ряда вон выходящий, и на похороны отпустили весь класс Лизы, даже параллельные. И ее единственный шел в процессии, не зная, что все это печальное действо происходит только лишь из-за него, для него.

Дверь захлопнулась. Навсегда и окончательно.

Хаммер

Когда тебе четырнадцать, приходится определяться, чему верить. Чему и кому. Тебе еще никто не сказал, что, оказывается, можно иметь свое собственное мнение. Ни учителя, считающие, что ученикам нужно знать их воззрения на любые вопросы. Ни родители, которые верят, что главное, чтобы ребенок слушался. Но «слушался» и «имел собственные суждения» — разные вещи. Может, даже антонимы, когда тебе четырнадцать.

Прежде всего — учителя. Зачем? Зачем тебе свое мнение, когда у них есть что предложить? На любую тему. Как правильно решать задачи и как неправильно. Как правильно чистить зубы и как часто это делать.

Василиск (в миру — Василиса Андреевна), химичка, вообще считает, что зубы чистить вредно. А если это делать, то только каждый раз новой зубной щеткой, и ни в коем случае не использовать зубную пасту — в ней все зло, разрушающее эмаль и потворствующее кариесу. Зубная паста — это заговор фармацевтических компаний, зарабатывающих деньги на пасте, и стоматологов, эту пасту рекламирующих. А потом наживающихся на лечении того самого кариеса.

Все логично. Все сходится. Василиск даже опыты с пастой показывала — как скорлупа в препарате растворяется и ничего от нее не остается. Ее рецепт: никакой зубной пасты! Только зубная щетка, каждый раз новая, и вода. Нет, сейчас многим нелегко, и если нельзя каждый раз взять новую щетку, то надо кипятить старую. После сеанса, так сказать. А еще лучше — перед ним, если есть время.

И совсем хорошо — полоскать зубы мылом. Простым, хозяйственным, не надо никаких излишеств. Да, неприятно, зато... В этот момент Василиск обычно показывала свои зубы. И им — не химическим опытам, а совершенно белым и здоровым зубам — сложно было не верить.

Но есть еще телевизор, по совокупности говорящий

все с точностью до наоборот и еще предлагающий жидкость для полоскания. Это уже после того, как ты воспользовался совершенной зубной пастой и новейшей щеткой — продукцией нанотехнологий, в которой расположение каждой ворсинки просчитывалось учеными. Просчитывалось до такой степени, что страшно даже подумать, куда они, эти ворсинки, способны забираться во рту.

А так как между утренней процедурой и вечерней остается некоторое время, когда опасности поджидают твои зубы просто на каждом шагу, то есть еще жевательная резинка. Дешевый полноценный хранитель твоего рта в то время, когда не на кого больше положиться.

Но есть еще родители, которые, несмотря на Василиска, почему-то имеют особый взгляд (отличный от непогрешимого мнения учителя!) и заставляют чистить зубы утром. Но почему-то не требуют делать этого вечером? В чем сильно расходятся с экранными стоматологами.

И самое главное, что сталкивать эти мнения между собой — бесполезное и опасное занятие. Бесполезное, потому что ясности не наступит. Опасное, потому что виноватым будешь ты.

Поэтому тебе приходится определяться, чему и кому верить. Выбирать из чужих взглядов и мировоззрений, потому что своих у тебя нет. Никто не сказал тебе, что ты можешь их иметь. Никому не интересно это твое мнение. Всем нужно только твое послушание.

Но если привыкнуть, то так — даже удобнее. Когда ты один, то всегда можешь выбрать для себя из множества вариантов, подобрать самый удобный и действовать. Это не поможет, если тебя схватит за руку человек, у которого есть другое видение темы (и не дай тебе бог сказать Василиску, что о пользе жвачки только вчера говорили в рекламе!).

Или возьмем правила дорожного движения.

В школе говорят: найдите пешеходный переход, луч-

ше со светофором. В школе говорят: дождитесь зеленого. Посмотрите налево. Направо. Потом осторожно идите.

Зачем?

Если по телевизору только и делают, что показывают, как гаишники наказывают водителей за то, что они не пропустили пешехода? Их мнение значительно лучше. Верить ему — удобнее, потому что не надо идти лишние сто метров до светофора, когда перебежать дорогу можно и здесь.

Но в данном случае Хаммер не собирался пользоваться ни первым мнением, ни вторым. Четырнадцать — это тот возраст, когда мужчина уже должен показывать силу. Отец в последнее время стал все больше заниматься воспитанием сына. Наверное, решил, что мужика может воспитать только мужик. Да какое «наверное», если он повторяет это матери почти каждый день!

И Хаммер ему верит, потому что в этом вопросе удобнее верить отцу. Потому что Хаммером приятели его назвали именно после того, как он использовал пару советов отца и разобрался с излишне ретивым парнишкой из параллельного класса. Хорошо разобрался, грамотно. Залетел в раздевалку после их физкультуры и вдарил тому без разговоров. Без разборок. Потом сказал кое-что и добавил. И никто не кинулся защищать одноклассника, потому что никто не был готов. Все они в трусах стояли, какое там геройство?

Они попытались мстить. Потом. В тот же день, после уроков. Но слишком поздно. Потому что слух о его победе уже разошелся по школе, и одна из бригад постарше взяла Хаммера под свое крыло. Поэтому враги из параллельного утерлись.

Так вот, отец говорит, что на дороге надо вести себя жестко. Учиться, чтобы потом вести себя так же везде. Если ты переходишь дорогу — то переходи. Виноват все равно будет водитель. И водитель это знает. Он может посигналить, может выругать, но больше ни на что не решится. А если вздумает выползти из своей дорогой

иномарки (отец добавлял еще пару слов, сквозь зубы, которые нравились Хаммеру, но применял он их избирательно), то можно ему и накатить. А если он окажется сильнее, то останется еще и виноват. Посадят.

Пешеход же прав всегда. Поэтому дорогу переходить надо просто: если пошел, то уже не оглядывайся. Ни направо, ни налево. Не останавливайся, просто иди. Пусть останавливаются те, кто боится. Кто виноват. Ты же не виноват и не должен останавливаться. Как и в жизни. Ни перед чем.

Если кто-то увидит, что тебя может остановить какой-то гудок, то этот кто-то решит, что тебя можно остановить как-то еще — болью, угрозами, жалобами.

Никто и никогда не должен тебя останавливать!

Это мнение отца Хаммеру нравилось, потому что помогало. Не всегда. Иногда о нем приходилось забывать, особенно сталкиваясь с учителями. Но часто. Как теперь, у дороги, оно экономило пару сотен метров — сначала до перекрестка со светофором, потом обратно.

Тем более, что сегодня температура упала ниже минуса пятнадцати градусов — не май месяц, чтобы разгуливать по улицам. Всего пару дней назад казалось, что дело идет к весне, даже начало таять, но теперь мороз вернулся.

Холодно, слишком холодно, чтобы идти лишние две сотни метров. Слишком холодно, слишком скользко и слишком лениво.

Хаммер лишь слегка повернул голову, спрятанную под капюшоном, но машин не увидел. Ну и ладно. Остановятся, если что. Не ждать же у моря погоды. Им надо, вот пусть они и ждут.

Больше не оглядываясь, Хаммер решительно ступил на дорогу.

* * *

Сегодня Василий в очередной раз пожалел, что этой зимой решил ограничиться всесезонной резиной. До-

роги чистили из рук вон, а недавняя оттепель только добавила проблем. Лучше бы уж было холодно. Тогда направленных шин вполне бы хватило. Но когда под тонким слоем пороши еще и лед, то машину начинает тащить в совершенно неожиданных местах.

Хотя со стажем в десять лет и знанием, что умеет быть осторожным, ездить все же можно. Не гонять, конечно, но аккуратно передвигаться по городу, от одного клиента к другому. Дизайнер штор — это не та профессия, где можно что-то заработать, сидя в офисе. Тут нужно крутиться.

Сейчас Василий выезжал со двора медленно. Ему надо было свернуть направо, поэтому он все время смотрел налево, опасаясь, чтобы какой-нибудь лихач не переоценил возможности своих тормозов и не догнал бы в тот момент, когда он еще только будет разгоняться.

Несколько машин, припаркованных прямо за въездом во двор, мешали обзору, поэтому Василий медленно выбирался на главную дорогу, осторожничая до последнего.

Но дорога пустовала, поэтому он немного добавил газку (сзади все же мог кто-то появиться, и лучше, если он не будет к тому моменту стоять на дороге как памятник). Газанул и в тот же миг нажал на тормоз, потому что неожиданно увидел, что дорогу переходит мальчишка. В куртке «аляске» с глубоким капюшоном, явно не осознающий, что на асфальте есть кто-то, кроме него.

Машину понесло сразу. Как раз в этом месте оказался сплошной лед, лишь прикрытый тонким слоем снега. Василий жал на тормоз и на сигнал до последнего, до самого удара, отбросившего пацана вперед на несколько метров. Словно кто-то захотел не просто погубить Василию жизнь, но и дать посмотреть, как это происходит. Как умирает мальчишка, а вместе с ним — надежда, что, может быть, обойдется.

Сигнал Хаммер услышал. Не то чтобы он мог что-то успеть. Может быть, и смог бы, кто знает? В конце концов, именно хорошая реакция помогала ему во всех последних драках в школе, которые почему-то происходили все чаще.

Однако хорошая реакция требует решительности, действия, пусть и необдуманного, но однозначного, не позволяющего размышлений, выбора, подбора наилучшего варианта из возможных.

Выбранный вариант оказался неверным. Чуть ли не впервые в жизни Хаммера. Конечно, водитель затормозил. Но кто мог предположить, что этого будет недостаточно? Что, как бы ни боялся водитель, как бы ни был уверен Хаммер в неправоте того, кто за рулем, этого может оказаться мало. Не отец же? Он такого точно не мог и представить.

Лед.

Всего лишь лед — и один из немногих неправильных выборов Хаммера стал его последним. Не помогла даже зубная щетка по утрам (родители настаивали) и лучшая защита от кариеса в течение дня (мнение многих с экрана, тех, кому удобно верить).

Услышав сигнал, Хаммер сначала замер (рефлекс от резкого звука, не путать с испугом, по мнению отца, которое было удобно — его род не из пугливых), а потом попытался сделать еще шаг вперед. Ожидая услышать лишь визг тормозов. Ну, может быть, ругань шофера чуть позже.

Удар, показавшийся несильным, отбросил его вперед по дороге, чуть ближе к тому светофору, который остался незаслуженно лишенным внимания мальчика.

Удар, показавшийся несильным паре спешащих по тротуару пешеходов, сломал Хаммеру левую ногу.

Удар, после которого Василий выдохнул с короткой мыслью «вроде пронесло», настолько глухим он пока-

зался и ему, почти оторвал ту самую левую ногу чуть выше колена.

Боль, которую испытал Хаммер, не стала причиной его смерти. Наверное, даже наоборот — только эта боль стояла на стороне мальчишки, до последнего пытаюсь удержать его в реальности. Или, чуть позже, отключить сознание, чтобы сэкономить хоть немного крови, отобрав ее у мозга.

Резкая кровопотеря (может, поначалу и небольшая) привела к неожиданному для организма уменьшению объема циркулирующей крови. Организм Хаммера тоже действовал решительно, под стать своему хозяину, и в попытке стабилизировать давление выбросил в кровь все, что смог, — адреналин, дофамин. Вдогонку начался рефлекторный спазм периферических сосудов. Все эти меры слегка восстановили давление, но одновременно ухудшили ситуацию со снабжением органов кровью. Начался ацидоз, а организм, тем временем, сдавал бастион за бастионом, отключая от кровоснабжения все «неважные» органы, держа на подпитке оставшейся кровью только сердце, легкие, мозг.

Надпочечники, лишившиеся крови, не смогли выдать ударную дозу гормонов, чтобы хоть как-то спасти ситуацию.

Отключился мозг. Легкие. Сердце.

Хаммер умер через две минуты и тридцать четыре секунды после удара. Через полторы минуты после того, как Василий трясущимися руками сумел открыть дверь машины и подбежать к своей жертве.

Все последующие годы его долгой, иногда даже счастливой жизни Василия немного успокаивало лишь одно: уверение врача на суде, что сделать не успел бы ничего не только водитель, но даже профессиональный медик. Анальгин, корвалол и кровоостанавливающий жгут из автомобильной аптечки — хорошие помощники только в случае, если травматический шок развивается не так быстро. Хоть немного медленней.

Хаммер выбрал. Чужое мнение оказалось неидеальным, но что тут поделаешь. Кто мог предположить, что обновленные правила дорожного движения не добавляют пешеходам бессмертия?

Хуже другое. Захлопнувшаяся перед мальчиком дверь не успела остановить крик ярости и боли, который он издал, даже не понимая, что кричит в реальность, отличную от той, в которой умирает.

Его дверь закрылась. Чуть медленнее, чем стоило бы.

Лекс

Зима надоела. Алексей не имел ничего против холода или морозов. Скорее наоборот — они ему чем-то даже нравились. И со снегом он мог смириться.

Его угнетала одноцветность. Тусклость города, бледнота городских парков, грязная неухоженность дорог, короткий — слишком короткий! — день. Когда этот день переходил в ночь, то краски становились ярче и разнообразнее, но Лекс считал их слишком искусственными, чересчур ненатуральными, чтобы заменить те, какие он ждал от лета.

До сегодняшнего дня.

Потому что сегодня ему показали, что это не так.

Студию живописи он начал посещать не так давно — только тогда, когда родители окончательно поняли, что непрерывное использование бумаги не только для решения задач по математике у него не пройдет само по себе. Что наброски карандашом на полях учебников и книг (отец слишком гордился своей библиотекой, чтобы не заметить изменений), возможно, не просто каракули протестующего подростка в самом начале переходного возраста.

Эти занятия захватили Лекса целиком. Он с трудом сдерживался, чтобы не запустить уроки только потому, что знал, как это повлияет на решение родителей. Ли-

шиться возможности учиться рисовать из-за лени он точно не собирался. И пока что ему успешно удавалось сохранить хотя бы видимость того, что в учебе он не отстает.

Лексом его прозвали одноклассники за безумную любовь к старому медлительному фантастическому сериалу. Да и имя было созвучно, так что кличка быстро привязалась, тем более что Алексею она даже нравилась. Этот сериал всерьез не увлек больше ни одного из его знакомых. Слишком мало действия, слишком медленный и зачастую непонятный сюжет.

Лекса сюжет не волновал. Музыка, образы, нестандартность — вот на что он обращал внимание. Восхищало то, как люди просто взяли и ушли от канонов. Но разворачивающееся действие стало при этом... красивым!

Точно — красивым! Нестандартным, начиная от стрекозы на фоне звезд и заканчивая абсолютной сумасбродностью героев. Но если бы Алексея кто-то спросил, и он, пусть и не сразу, смог бы сформулировать: почему, собственно, выделил похождения по Темной Зоне среди множества более современных фильмов, то он сказал бы именно это. Красота, вопреки нарушению стандартов. Более того, красота, возникшая только после ухода от привычного.

Но Лексу повезло — таких вопросов ему никто не задавал. Иначе бы пришлось думать, объяснять что-то. Ему не жалко, он бы сумел все проанализировать, его чувства приобрели бы слова, а образы легли в предложения. И он легко все это отдал бы вопрошающему. Алексей боялся другого — того, что после чувства так и останется лежать где-то внутри него; не целостное, чистое и незаляпанное, а аккуратное, стерильное и разложенное по полочкам. Синтетическое. Ставшее пластиковым сразу после того, как подверглось вниманию...

Сегодня их учили писать маслом. Для Лекса это оказалось интереснее акварели, но все-таки даже масло уступало компьютеру. Хотя Алексей не сравнивал, у него даже мыслей таких не возникало. Просто если бы

на полке лежала акварель, а на соседней — масляные краски, он, не раздумывая, выбрал бы второе. И даже не смог бы объяснить — почему? А дома использовал каждую минуту до возвращения отца с работы, чтобы повозиться со своими набросками на экране. Отец не возражал, но у них установилось жесткое правило: Лекс может использовать компьютер, только пока отца нет дома. Ему еще повезло, что мать вообще не переносила компьютер и садилась за него только в крайнем случае. Домой она возвращалась обычно раньше отца.

Блеклость зимы мешала Алексею жить. До сегодняшнего дня. Сегодня учитель не только показал им новые приемы при использовании масляных красок, но и поменял его взгляд на это время года. Он понятия не имел об отношении Лекса к зиме. Всего лишь в одном упражнении взял краски и нарисовал оттенки белого. Ничего необычного — ведь за окном властвовал снег, вот учитель и рисовал белое, все оттенки, останавливаясь на каждом и подробно объясняя, когда и какой следует использовать. Стоило бы использовать, если бы он был на месте учеников. Вот этот — слегка розоватый — закат, отражающийся на сугробах. Этот — рассвет. Нельзя путать его с закатом: несмотря на кажущуюся схожесть, это совсем разные оттенки. А если вы хотите нарисовать закат, вам нельзя использовать тот же оттенок, что и для рассвета. Серый снег, что лежит на дороге, многим отличается от вулканического пепла, и колеса машин заботятся о том, чтобы он не терял своей серости. Он серый, иногда серо-черный, но совершенной ошибкой будет утверждать, что снег — одноцветный. Каждый комок такого снега имеет свой оттенок. Оттенок зависит от того, где эта слякоть лежит — в центре дороги, на обочине? Давно ли? И из-под какой машины этот комок вылетел? Все влияет на то, какими свойствами, какой глубиной будет обладать оттенок, который вам захочется воспроизвести. Воссоздать. Придумать. Создать. А если не получится вспомнить, то сотворить заново.

И потом. А если снег искрится? Если — солнце и снег перестает быть белым, а становится блестящим? Как это можно передать, какими красками? Блеск каждой отдельной снежинки, которая еще недавно считала себя принадлежащей сугробу, но только не сейчас? Сейчас она думает, что именно ей назначено стать королевой бала и ее блеск — самый совершенный.

Учитель показал и это.

Так что Лекс только сегодня поменял свое отношение к зиме.

Может быть, именно поэтому он, обычно достаточно осторожный, на этот раз пропустил появление этих троих.

Ему недавно исполнилось пятнадцать, но трое явно были старше — лет по шестнадцать, по семнадцать. Из тех, кто знает, что они не хозяева жизни, но не могут с этим смириться. И выбрали самый простой путь, чтобы прийти в равновесие с окружающим их несправедливым миром. Пиво, много пива — и взгляд на жизнь меняется. Возможно, они до сих пор не могли считать себя хозяевами жизни, но теперь стали вполне способны представить себя властелинами данного конкретного тротуара.

— Мальчик, иди сюда, — сказал один и, вместо того чтобы дожидаться, когда его приглашение будет принято, сам пошел навстречу Лексу. — Иди сюда, пацан. Денги есть вообще? — тщательно проартикулировал он еще раз, когда подошел поближе. Еще не стемнело, четвертый час — рановато даже в разгар зимы. Но не рано, чтобы успеть принять три (а то, может, и четыре?) бутылки темного пива. После такого количества еще можно считать себя абсолютно трезвым, но приходится слегка сосредотачиваться, чтобы смысл твоих слов дошел до окружающих. Проговаривать их более тщательно, особенно если хочется донести твое послание миру.

— Денег нет, — честно ответил Лекс. Пока что он вел себя относительно спокойно. Денег у него действитель-

но оставалось рублей пятнадцать, и холод на улице не способствовал агрессии. Как он считал.

— Ты смелый, как я погляжу, пацанчик, — вступил второй. — Может, тогда хоть сигаретка есть, нет? Как-то же надо нам разойтись?

Лекс сглупил. Он мог ответить «нет». Он мог сказать, что не курит. Он мог просто мотнуть головой, в конце концов. Любой из этих вариантов, скорее всего, закончился бы парой плюх, но не более того. Он же, слишком поглощенный своим недавним осмыслением оттенков белого, ответил:

— Так я могу просто пойти, вот и разойдемся?

А это было уже предложение. Навязывание хозяевам этого куска улицы своих суждений. Глупость, кара за которую неминуема.

Ударил его третий. Ударил, не говоря ни слова, зло, жестко и в полную силу.

Обычный удар, какие мальчишки переносят десятками, а кто подрачливее — и сотнями. Некоторые даже получают дозу не по разу еженедельно, на боксе, на контактных видах различных единоборств. Ничего страшного.

Удар пришелся в челюсть. Кулак и зубы, встретившись, неожиданно обнаружили, что между ними есть еще губа. Так что губа оказалась разорванной, и из нее сразу пошла кровь.

Этот удар был идеален. Единственно, он выбивал из противника (жертвы?) всякое желание ответить, защититься, отомстить, оставляя его при этом в сознании.

Но вот снег на тротуаре, белый и чистый, только-только выпавший, скрывал под собой лед. При ударе Лекс поскользнулся и упал навзничь. Очень неудачно упал. Редкое, редчайшее стечение обстоятельств. Лед и удар пьяного, лишивший на миг нормальной реакции, которая, наверное, помогла бы Алексею. Он просто откинулся назад и упал, ударившись затылком. Снова о тот самый лед, который подвел его равновесие мгновением ранее.

Так что драки трех пьяных хулиганов и хорошего мальчика не получилось. Так же как не получилось и непродолжительного, но крайне важного для троих разговора, который позволил бы им еще раз доказать самим себе, что можно быть хозяевами, если сильно сузить зону желаемых владений. До одного тротуара. До одного пацаненка, проходящего мимо.

— Ты чего-то грубо заговорил, — запоздало прояснил свою позицию третий. Первый и второй согласно закивали.

Лекс не ответил. Из разорванной губы потекла кровь, но не быстро. Начала стекать по щеке, но коснулась снега лишь секунды через три.

— Чего, теперь ты вежливый стал... и молчаливый? — Первый ткнул ботинком, и от этого движения голова мальчика качнулась в сторону, откинулась. Щека его прижалась к снегу. Первый, сам того не подозревая, спас Лексу жизнь и вычел из их совокупного срока лет десять, не меньше. Только это движение не позволило жертве захлебнуться быстро наполняющей рот кровью.

— Валим, — сказал второй. — Валим, пока не спалили!

Почему-то ни один из них ни на мгновение не задумался об альтернативах. Ни у одного не возникло ни малейшей мысли, ни малейшего желания помочь своей жертве.

Кто-то выходил из подъезда, кто-то проезжал мимо на машине, кто-то случайно наблюдал за происходящим из окна. В городе слишком много глаз, и далеко не всегда эти глаза остаются равнодушными.

«Скорая» увезла Лекса через двадцать минут.

Линейный наряд задержал троицу через полчаса.

Первый спился, умерев от цирроза печени к тридцати. Второй жил долго, родил двоих, у него были внуки. Третий, выйдя через четыре года, тут же влез в драку и получил ножом в живот. Он умер раньше, чем приехала «скорая» (справедливость иногда торжествует, как и на

кубиках, бывает, выпадают две шестерки). Впрочем, «скорую» вызвали далеко не сразу.

Но что стоит упомянуть: никто из них ни разу не вспоминал Лекса, мальчика, лежащего на заснеженном тротуаре, с тонкой струйкой крови, стекающей по щеке. Наверное, они просто не были впечатлительны?

Кровь смешалась со снегом, создавая еще одно, пусть далеко не новое и не редкое, сочетание. Оттенок белого, требующий уникальной комбинации красок.

* * *

Лекс лежал на больничных простынях, под капельницей, в комнате, напичканной множеством непонятных никому, кроме врачей, приборов. В помещении царил полумрак, словно больному дали возможность спокойно уснуть и не хотели будить до поры до времени.

Его мать сидела рядом и держала правую руку мальчика. Теплую, но совершенно безвольную. Врач что-то бубнил, но мать его не слышала. Не слушала. Ее состояние сейчас немногим отличалось от состояния сына.

Отец встряхнулся, сумел оторвать взгляд от жены и ребенка и посмотрел на врача, который продолжал говорить:

— Вы должны понять, что наше вмешательство сейчас бесполезно. Реанимационная бригада вашему ребенку попалась хорошая. Они вовремя накачали мозг кислородом. Ваш мальчик стабилен, и это хорошо, но сколько он пробудет в коме — предсказать не возьмется никто. Может, он очнется прямо сейчас, а может...

Врач замолчал. Похоже, он сам не верил, что родители пациента его слушают, поэтому говорил скорее механически, потому что это оставалось частью его обязанностей, не более. Он наткнулся на сфокусированный взгляд отца, и это выбило его из ритма прямо посередине фразы.

Врач не был готов сказать отцу ребенка, что тот мо-

жет пролежать в коме годы. И умереть, так ни разу из нее не выйдя.

— Страховка все покрывает, поэтому вашему сыну будет обеспечен лучший уход, какой только возможен в подобных случаях. Но травма серьезная. Томография показывает, что задеты затылочные доли мозга, сильное сотрясение...

— Что... — прервал врача отец, — что мы можем сделать?

Врач пожал плечами:

— С точки зрения медицины — ничего. Просто будьте рядом с ним. Читайте ему, разговаривайте. Говорят, что даже в коме люди слышат, что происходит вокруг. Может быть, он сам захочет вернуться, если будет знать, что здесь его ждут родные?

Врача прервала жена.

Сначала она вздохнула, чуть приподнявшись со стула, а потом взвыла. Негромко, но мука и боль настолько насытили этот вой, что врач бы предпочел, чтобы она орала во весь голос.

Муж подошел к жене и слегка, несильно, приобнял.

Она этого даже не заметила. Не почувствовала. Всхлипнула, заглывая воздух, и взвыла снова.

— Он еще жив, — тихо, только ей, сказал отец. — Не хорони его так быстро.

Эти слова сразу успокоили женщину. Она замолчала.

Врач решил, что лучше дать им посидеть с сыном. Он точно мог сказать, что беседа с ним не главное в их нынешнем состоянии. Да и не знал он, что еще сказать.

В таких случаях оставалось только уповать на удачу. На чудо. Молиться. Но как бы это выглядело, если бы он, дипломированный травматолог, произнес подобное вслух?

Несмотря на домыслы врача, Лекс родителей не слышал. Ни родителей, ни самого врача, ни тихого мерного писка кардиомонитора.

Он вообще ничего не слышал. В этом месте звуки отсутствовали полностью. Не только звуки — краски, запахи. Место обнажало полную импотенцию, неспособность дать Лексу хоть какие-то ощущения.

Его разум старательно обрабатывал абсолютный ноль информации от глаз, от ушей, от носа. От кожи, которая тоже не чувствовала ничего — ни дуновения ветерка, ни холода, ни жара.

Лекс сравнил бы это место с камерой сенсорной депривации, если бы о такой знал. Только, в отличие от темноты той камеры, здесь присутствовал свет. Абсолютно белый. Настолько белый, что мальчик сравнил эту белизну с самой сутью света, с его основой.

Изначальный белый цвет. Тот, от которого произошел цвет снега, молока, цвет новенькой ванной. Тот, которому безуспешно пытались подражать мел и свинцовые белила, известь и каолин.

Единожды увидев, Лекс знал, что этот белый свет невозможно получить банальным смешением красно-зеленого-синего. Этот свет — Изначальный, яркий в своем абсолюте не потому, что где-то горят мощные лампы, но из-за того, что был совершенством.

После слов учителя этот свет еще раз показал Лексу, насколько он был неправ. Зима лишь пыталась продемонстрировать мальчику красоту Изначального света. Может быть, даже наверняка, ей это не очень и удалось, но теперь Лекс готов был примириться с цветом снега, с каждым его оттенком. Потому что с нынешнего момента он всегда будет сравнивать любой цвет именно с этим.

Лекс оглянулся, подсознательно ожидая увидеть что-то хотя бы у себя за спиной.

Сзади обнаружилась дверь, такая же белая на абсо-

лютно белом фоне. Наверное, он заметил тонкую серую щель, очерчивающую дверной косяк, хотя не мог сказать это с уверенностью. Лекс сморгнул.

Изначальный Белый слегка распался, теряя сияние, и Лекс понял, что находится в стерильном белом коридоре — то ли больница, то ли какая-то лаборатория.

Так или иначе, ему надо было вперед. По этому коридору. Он знал, чувствовал, был совершенно уверен, что дверь позади него закрыта. Воспользоваться ею он сейчас не сможет, как бы ни пытался.

А ведь хотелось. Дверь сзади — он понимал — вела в привычный мир, где все само по себе расставилось бы по своим местам, вещи обрели некий обыденный порядок и свет перестал бы светить так ярко.

Но, хотел он или нет, Лекс не стал пробовать дверь позади на прочность. Вместо этого он пошел вперед.

* * *

После нескольких шагов он понял, ощутил, что пол под ступнями слегка пружинит и, каким бы белым он ни был, все равно несколько сероват.

Хотя Лекс мог бы поклясться, что мгновения назад белым было абсолютно все вокруг. Абсолютно! Это навело его еще на одну мысль, и мальчик посмотрел на себя. Поднял руку и взглянул на пальцы.

Рука была как рука. У него не повернулся бы язык сравнить цвет кожи с окружающим Белым. Лекс опустил глаза и понял, что на нем белая пижама и такие же белые (хлопковые?) брюки. Но и они не шли ни в какое сравнение с цветом стен.

Хотя... потолок теперь казался светлее, а стены — темнее, чем потолок, но все-таки они находились в промежутке, где-то между потолком и полом.

Лекс шел вперед, и временами ему казалось, что коридор издевается над ним, меняя свою освещенность и за счет этого цвет, по мере того как он продвигается вперед.

Вроде и каждый из этих оттенков оставался всего лишь оттенком белого. Но в то же самое время отличался. Уж теперь-то, после того как учитель показал ему разницу, буквально ткнул носом в то, что он никак не мог углядеть... уж теперь-то Лекс видел. И легко различал каждый из этих оттенков.

Впереди. Далеко впереди он обнаружил еще одну дверь — практически клон той, что оставил позади.

Он шел к ней долго. В какой-то момент даже начал считать шаги, но тут же сбился. Лекс никогда не думал, что одноцветность так сильно может сбивать с толку. До такой степени, что он не мог посчитать больше... скольких? Какие цифры, какие числа вообще могли существовать в этом месте?

Мальчик сделал еще одну попытку, постаравшись услышать собственное сердце и измерить время человеческим пульсом. Но тут же понял, что Абсолютный Белый, пусть и распавшийся на нескольких Белых Наследников, не позволяет ему и этого. Он не слышал своего сердца и не чувствовал биения пульса. Что-то останавливало его каждый раз, когда он старался прислушаться.

Зато дверь, без ручки и малейших признаков замка, оказалась совсем рядом. Может, не так далеко она и была.

За неимением лучших идей Лекс толкнул дверь вперед.

ГЛАВА 2

Павел

Лидерство — оно в крови. Так, по крайней мере, считает отец. Покрутившись в школьной тусовке, между ребят, родители которых через одного владели крупнейшими активами города, а иногда даже не брезговали и непосредственным руководством, Павел склонялся к тому, что в этом вопросе отец ошибается.

Лидеров среди них нашлось не больше и не меньше,

чем в любом другом месте, несмотря на безусловный успех в этом деле их родителей. Конечно, можно пофантазировать, что здесь через одного — дети прелюбодетяний и их снабдили не теми генами, но... Повыдумывать на тему разгула страстей в элите можно, даже приятно и открывает поле для множества интересных вечерних фантазий, но вот верилось в это с трудом.

Так что Павел имел свою собственную точку зрения на то, как становятся лидерами. Это профессия, которой можно овладеть. Надо просто изучить правила и почаще тренироваться. Без упражнений любая теория остается лишь никому не нужной бумагой. Макулатурой.

Лидерство — вещь не такая уж и простая. Оно требует сосредоточенности. Дисциплины. И временами — жестокости.

У него получалось. Павел в это верил. Вокруг него всегда оказывалась компания, и большинство из этих парней и становящихся все более аппетитными девчонок готовы были ему подчиняться. Следовать за ним. Вязываться во всевозможные авантюры, иногда даже на грани дозволенного.

Но Павлу очень быстро пришлось уяснить, что лидерство нужно поддерживать. Постоянно. Быть лидером — это прежде всего постоянно находиться начеку, постоянно следить: не ослабли ли узы, достаточно ли любят тебя твои люди?

По большому счету Павлу было наплевать на одноклассников. Но он учился, тренировался и отлично осознавал, что если проиграет сейчас, то проиграет и в большой жизни. Поэтому не позволял себе расслабиться, пустить все свои навыки, все наработки и полученные знания под откос.

Одна ошибка или парочка — и всё. Всегда найдется кто-то, мечтающий шепнуть у него за спиной: «Павел сдулся», «Павел не тянет», «скучно с ним». Подобного допускать он не собирался.

И что злило более всего, так это современные мето-

ды влияния. Он просто мечтал очутиться где-нибудь в прошлых веках, когда можно было просто потребовать клятву верности, и вся недолга. Сейчас же вообще стало непонятно, кто кем руководит.

Вроде они идут за тобой — ура, можно считать задачу исполненной. Но нет, не проходит и пары дней, как им все приедается, становится неинтересно, и они начинают слушать тебя, даже не слишком стараясь скрыть зевки. Чтобы они признавали тебя своим «боссом», ты должен постоянно прислушиваться к ним. К их мнению. К их желаниям, порой весьма тошнотворным.

Павел считал это отвратительным. Но, к сожалению, пока не нашел ни одного метода контроля своих «подданных», который бы действовал проще. Все они имели обеспеченных родителей, умели сами себя развлекать. Он не мог их удержать ничем, что обеспечило бы ему длительный и надежный результат.

Павел не обладал монополией на лидерство. А жаль. Так было бы значительно проще.

Вот и сейчас. Он считал, что травка — не то развлечение, которым стоило увлекаться. Даже останавливал свою тусовку пару раз, когда все кидались на новую забаву. Но быстро понял, что «его люди» не одобряют своего командира. Кое-кто начал отмежевываться, покиривать в других тусовках, без него.

Еще хорошо, что Павел понял это достаточно быстро и исправился. Его способности лидера подверглись в тот момент самому серьезному испытанию, какое можно было себе представить, но и на этот раз справился.

В своей силе воли он не сомневался. Пусть все они в конце концов скурятся и окажутся задавленными наркотой, ему то что? Одноклассники для него — всего лишь тренировочный материал, всегда можно будет найти новый. А он сможет спрыгнуть в любой момент. Железная воля, наверное, тоже не передавалась по наследству — чтобы убедиться в этом, достаточно было

посмотреть вокруг, поэтому Павел воспитал ее сам. Взрастил ее в себе, и сделал это хорошо.

* * *

В выпускном классе кое-кто начал пробовать марки. Это было несколько серьезней, чем марихуана, и Павел задумался, стоит ли рисковать? Но с травой все всегда было хорошо, он даже признался как-то себе, что напрасно так дрожал по этому поводу. Все оказалось просто отлично и всегда весело. И что главное, он всегда чувствовал, что может остановиться. А если так, то за чем бросать? Зачем отказываться от удовольствия, если знаешь, что это можно сделать в любой момент.

И тогда он встал во главе движения. Его компания считалась самой продвинутой, если дело касалось химии. В их тусовке даже стали появляться новые члены, и все они готовы были следовать за лидером беспрекословно. Секс после пилюль был просто роскошен, и девушки согласны были всегда. Если с ним, их лидером, то всегда.

Павел начал надеяться, что заветный эликсир лидерства, возможно, найден.

Но в этот раз ему почудилось, что он перешел некую черту. Павел так и не понял, когда и где, но ощущение назойливо билось в сознании, не отпуская.

Наверное, не надо было принимать дозу без компании, в одиночку, дома. Да еще такую.

В последнее время Павлу начало казаться, что чем больше доза, чем качественнее товар, тем ближе он подходит к некой тайне, открытию, которое обязательно должен сделать. И не собирался противиться этому ощущению. В конце концов, если он сделает это открытие раньше остальных, то его лидерство окажется несомненным. Безусловным. И вот тогда придет пора повиновения. Всех вокруг.